

РЕГИОНЫ С ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЭКОНОМИКОЙ: ХАРАКТЕР ПРОБЛЕМНОСТИ И ЕЕ РЕШЕНИЯ

Юрий Нурмагомедович САГИДОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории и методологии регионального развития, Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, Махачкала, Российская Федерация
sagidov_2014@mail.ru

История статьи:

Принята 15.08.2016

Принята в доработанном виде
20.09.2016

Одобрена 17.11.2016

Доступна онлайн 15.03.2017

УДК 332.012.23

JEL: A14, H70, O18, R58

Аннотация

Предмет и тема. В статье рассматривается проблема преодоления периферийного состояния и активизации развития экономики слабо развитых аграрноориентированных регионов России как одного из направлений обеспечения сбалансированного территориального развития страны и реализации интеграционного эффекта синергии, а также ослабления противоречий и угроз, связанных с большими различиями в социально-экономических уровнях регионов.

Цели. Определение типа проблемности, присущей слабо развитым регионам отдельной страны в зеркале известной *теории периферийной экономики* стран мира; выявление характерных для типа проблемности причин отставания в развитии; поиск и обоснование направлений и мер достижения самодвижения регионов в развитии; определение роли государства и гражданских институтов в решении проблемы активизации процесса модернизации слабо развитых регионов.

Методология. Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области регионоведения и проблем развития отсталых стран мира. В ходе исследования использованы междисциплинарный и статистический виды анализа, позволяющие выработать концептуальные подходы к развитию отсталых регионов.

Результаты. Определены факторы, влияющие на воспроизводство хронического состояния отсталости регионов, наличие альтруистических и эгоистических начал в качествах состояния общественной среды. Дана оценка роли государственного управления и гражданской активности в преодолении периферийного состояния. Обосновывается тезис об отказе от догмы сложившегося межрегионального разделения труда, регионы аграрной специализации, лишенные минимума промышленных предприятий, обречены на потерю технической культуры, модернизационное отставание и сохранение экономического прозябания. Ключевым звеном институциональных преобразований, направленных на активизацию развития страны и ее регионов, автор считает необходимость перерождения существующего государственного управления в соответствии с целевой установкой достижения ответственности субъектов управления всех уровней за результативность социально-экономического развития.

Выводы. Научные разработки и предложенный подход к преодолению противоречий, связанных с неравномерным развитием регионов страны, могут быть использованы при разработке мер институциональных преобразований, направленных на активизацию развития регионов с экономикой периферийного характера.

Ключевые слова:

территориальная
сбалансированность хозяйства,
экономика периферийного
характера, состояние
общественной среды, импульсы
самодвижения, государственное
управление

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Императив сближения экономических уровней регионов, как условия сбалансированного территориального развития хозяйства страны, присутствует во всех нормативно-правовых актах, касающихся стратегии планирования, национальной безопасности и государственной национальной политики Российской Федерации¹.

Реализация этой установки предполагает катализацию экономической результативности на основе объединительного эффекта синергии.

Однако объединительные интеграционные процессы могут генерировать не только положительную результативность, но и отрицательную [1].

Какой окажется результативность – зависит от различий в экономической развитости регионов, их научно-технической культуры и складывающихся цивилизационных качеств общественной среды.

Россия является средоточием регионов с большой асимметрией в уровнях экономического развития, различий в ментальности населения, уровне и специфике культуры, системе ценностей и властных отношений. Слабый учет этих факторов может оказывать тормозящее влияние на развитие страны.

¹ Основные нормативные акты, в которых определена аграрная ориентация части регионов страны: Минрегионразвития РФ. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации; Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации».

На тенденцию увеличения различий в экономическом и социальном развитии во многом оказывает влияние та часть регионов страны, которая находится в состоянии хронического отставания.

Исследования сущностных основ и причин отставания регионов этой группы и определение подходов к ускорению их развития являются проблемами, от решения которых во многом зависит экономическая успешность и предотвращение накопления противоречий и потенциала угрозы нарушения территориальной целостности [2, 3].

В статье делается попытка поиска решения проблемы ускорения развития регионов-аутсайдеров отдельной страны в зеркале *Теории периферийной экономики* (далее – ТПЭ). В этой теории решается адекватная проблема стран мира, не прошедших все стадии модернизации.

Депрессивность и периферийность как различные типы проблемности

В характеристике экономического развития России, протекавшего в течение прошедшей четверти нынешнего века, превалирует картина, в которой отражаются четыре масштабных кризиса: «трансформационный» – 1990–1992 гг.; «долговой» – 1998–2000 гг.; под воздействием мирового финансового кризиса – 2008–2009 гг. и текущий «экономико-политический» – с 2013 г. [4].

Представляется, что такая характеристика не соответствует классическому пониманию сущности кризиса. Результатом преодоления кризиса должен быть выход на более высокий уровень развития системы (страна, регион, отрасль, предприятие и др.). В России же в указанных периодах протекала череда рецессий, а в промежутках между ними – стагнаций с отдельными всплесками экономического роста.

Последний был обусловлен не модернизационным развитием, а спекулятивными факторами, связанными с тем, что Россия была ориентирована на выемку из кладовых земли ресурсов, образованных там не деятельностью людей, являющейся источником богатства и успешности экономики по А. Смиту [5], а творением природы. То есть протекавшие в течение последней четверти века в экономике России процессы при рассмотрении в совокупности представляют собой один непрерывный процесс кризиса с характеристикой – «трансформационный». А если учесть мнение акад. С. Глазьева о том, что Россия не только не встала на путь освоения нарождающегося в развитых странах мира 6-го

технологического уклада, но и значительно утратила позиции сформировавшегося в стране в конце 80-х гг. прошлого века 5-го уклада [6], то можно считать, что вектор развития страны имел отрицательную направленность.

В протекавшем трансформационном кризисе не было места для реализации политики сбалансированного территориального развития. Так, по данным Агентства «РИА Рейтинг» максимальный интегральный показатель рейтингов социально-экономических уровней субъектов РФ в 2014 г. составил величину 82,132 (г. Москва), средний – 48,164 (Республика Коми) и минимальный – 14,136 (Республика Тыва).

Максимальная оценка превышает минимальную в 5,8 раза. Относительно динамично развиваются те регионы, которые, как отмечает Н. Зубаревич, оказались в более благоприятных условиях для концентрации капитала [7]. Если же рассматривать динамику изменения уровней развития в определенном периоде, то замечен процесс неравномерного возрастания различий. На приводимом *рис. 1* представлен график ранжирования субъектов РФ по величине ВРП на душу населения в 2013 г. Такое же ранжирование было проведено работниками СОПС по итогам 2000 г. [8, с. 20–28]. Ранжирование практически не меняется, за исключением отдельных перемещений в пределах групп пяти ближних рангов. Различие же в том, что максимум по оси ординат в 2000 г. (730%) больше минимума (22,8%) в 32 раза, а максимум 2013 г. (980%) больше минимума (22,0%) в 45 раз.

Таким образом, императивы сближения экономических уровней регионов, отраженные в нормативных актах, оставались формальными заклинаниями, а не реальностью. Трудно не согласиться с академиком А. Татаркиным, который считает, что возрастающий с каждым годом разрыв в развитии российских регионов препятствует проведению единой экономической политики системного и устойчивого развития всех субъектов национального рыночного хозяйства, цивилизованного обустройства всего российского пространства [9, с. 15].

Аналитическим центром при Правительстве РФ регионы страны разделены на четыре группы: высокоразвитые, развитые, среднеразвитые и менее развитые (*табл. 1*) [10]. Первые три группы подразделены на подгруппы регионов с хозяйственной специализацией, преимущественно направленной на индустриальное развитие. Наше внимание акцентируется на семи регионах подгруппы

«менее развитые аграрные» – Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика и Республика Калмыкия. Выбор этих субъектов Федерации в качестве объектов исследования обусловлен их географической сопредельностью и исторически сложившейся общностью многих черт практической культуры и ментальности.

В формулировке «менее развитые аграрные» присутствует шадящая семантика: «менее развитые», а не «отсталые регионы-аутсайдеры». Состояние этих регионов обычно формулируется как «проблемный регион» или «депрессивный регион». Первая формулировка не конкретизирует сути проблемности. Что касается формулировки «депрессивный регион», то она сомнительна в отношении характеристики состояния регионов-аутсайдеров.

Термин «депрессия», применительно к отражению экономического состояния какой-либо системы (страна, регион, отрасль, предприятие и прочее), имеет классически определившуюся характеристику кризиса, которому подвержены преимущественно индустриально развитые системы с существенным экономическим потенциалом. Главными проявлениями кризиса являются: падение производства, пиковый рост безработицы, снижение доходов предприятий и населения. Продолжительность депрессии ограничена во времени, как правило, периодом до четырех лет [11, с. 22–23]. Преодолевается депрессия мерами организационного, финансового и технологического оздоровления. Выход из состояния депрессии на подъем почти всегда приводит систему на более высокий уровень развития и роста экономики.

Однако прошло не четыре года с тех пор, как Россия, войдя с начала 90-х гг. в состояние кризиса, не встала на путь модернизационного развития. Поэтому представленная Аналитическим центром при Правительстве РФ классификация регионов России по уровням их развития и хозяйственной специализации, отражает не депрессивное состояние, а уже новое установившееся состояние экономики страны с зарождающимися признаками периферийности – структурной ориентации на продажу природных ресурсов и затухания индустриального потенциала².

² По данным блогера *spydell livejournal* зависимость экономики России от экспорта сырья в 2013 г. достигла 84,3%. URL: <http://spydell.livejournal.com/553921.html>

Для характеристики этого состояния подходят положения ТПЭ, среди адептов которой заметными являются экономисты Р. Пребиш (зачинатель теории), С. Амин, Ф. Кардозо, Дус Сантос, И. Валлерстайн, С. Артоболевский, С. Фуртадо [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18] и др. Страны мира подразделяются на центр, периферию и полупериферию. Центр – это развитые страны мира, входящие в состав стран Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР. Остальные страны считаются экономически периферийными, так как показатели уровня их развития по величине удалены от показателей развитых стран.

Если отнести положения указанной теории к отдельной стране – России, то ее регионы тоже можно подразделить на категории: развитые, полупериферийные и периферийные. При таком подразделении «менее развитые аграрные» регионы России попадают под определение не регионов с депрессивной экономикой, а регионов с периферийной экономикой.

Дело не просто в различии словесных выражений «депрессивность» и «периферийность». Это разные по сущности категории. Периферийность – проблема более сложная, чем депрессивность. Ее причины находятся не только в плоскости экономики; они включают «неэкономические грани экономики» [19]. От понимания различия в депрессивности и периферийности зависит, соответственно, различие в подходах к обеспечению успешности развития в одном и других случаях.

Рауль Пребиш формулирует факторы, определяющие суть периферийного состояния: «Специфика периферии проявляется во всем: в сфере техники и потребления, в производственной структуре, в уровнях развития и демократизации, в системе землепользования и формировании излишка, в демографическом росте» [12, с. 200]. Это объемлющее отражение сути периферийной экономики. Используя данные *табл. 2*, рассмотрим применительно к семи исследуемым регионам круг показателей социально-экономического развития.

Периферийные регионы, в отличие от депрессивных, это регионы с низким экономическим потенциалом и уровнем технической культуры. Пределы отставания в технической оснащенности в целом всего хозяйства регионов, и в том числе промышленности, а также соотношение удельного веса сельского и городского населения отражены в

табл. 2 позициями 1–4. В совокупности они определяют аграрную ориентацию, которая формализована в нормативных актах.

В отличие от пикового роста безработицы в периоды депрессий, в периферийных регионах наблюдается стабильное во времени превышение уровня безработицы и хроническая неполная занятость трудоспособного населения в экономике.

Отличием периферийности от депрессивности является также то, что экономическое отставание является не ограниченным во времени, а хроническим тормозом. Вторым Конгрессом Коминтерна, состоявшимся в Москве в 1920 г., рассматриваемым регионам была дана характеристика их состояния как «отсталых колониальных окраин России» и было рекомендовано проведение мер по преодолению отсталости путем индустриализации [20, с. 241–254].

Следуя рекомендациям, было активизировано развитие регионов, что позволило достичь стратификации их уровня как аграрно-индустриального и значительно сблизить с уровнем развития других регионов. Тем не менее и в советском периоде социально-экономический уровень регионов оставался ниже среднего по России.

Но и достигнутые позиции были утрачены в начале 90-х гг. прошлого века, в самом начале трансформационного периода. Регионы одновременно лишились большей части крупных промышленных предприятий (50% самоликвидировались, остальные ужались до 20-процентной мощности), которые были генераторами технической культуры. И также одновременно регионы скатились с аграрно-индустриального уровня на уровень «менее развитые аграрные».

Хронический характер отставания в экономическом развитии исследуемых регионов предопределил их бедность. Несмотря на сглаживающее влияние федеральных дотаций (поз. 14), бедность семи регионов, как и всех в целом регионов подгруппы «менее развитые аграрные», была и остается не эпизодическим явлением, а более выраженной по сравнению с другими регионами, определяя места в последней десятке среди регионов России³ (поз. 8–11). Одним из следствий является более

высокий миграционный выезд из регионов по сравнению с въездом (поз. 13).

Слабость импульсов самодвижения в развитии – главная причина периферийности.

Характеристика периферийности региона не ограничивается отражением его аутсайдерского положения по социально-экономическим показателям. Тип проблемности определяется и порождающими его причинами.

Почти все рассматриваемые регионы находятся в последней десятке 85 регионов страны по числу расторгаемых браков на 1 000 человек (Республика Дагестан – на 83-м месте, Чеченская Республика – на 84-м, и Республика Ингушетия – на 85-м). Это говорит о высоком почитании роли семьи, при котором обеспечение ее экономического благосостояния для жителей южных регионов России является мерилем своей социальной значимости: «не хуже, чем у других». То есть экономическая активность предопределена имманентно, и это подтверждается действенным самовыражением. Например, во все времена для населения регионов Северного Кавказа было и остается актуальным отходничество. Люди выезжали на заработки, необходимые чтобы женить сына, построить дом, участвовать в свадьбах знакомых и т.п. В процессе труда в других регионах кавказцы проявляли завидную созидательность. Такую же успешность и созидательность проявляли и проявляют кавказцы и калмыки, работающие за пределами своих регионов и на постоянной основе.

Но наблюдается парадокс: при качествах высокой экономической активности, присущих жителям исследуемых регионов, последние быстро утратили достигнутые в советский период успехи и возвратились в состояние хронической отсталости. Парадокс не является необъяснимым.

Во-первых, экономические успехи в советский период были достигнуты в результате централизованного государственного управления. Региональная составляющая управления имела несuverенное вспомогательное значение.

Во-вторых, в своих регионах кавказцы и калмыки не столь успешны, что связано с менее благоприятным состоянием общественной среды по сравнению с другими регионами⁴.

Цели экономической и социальной самодостаточности человеком могут достигаться

³ Если рассматривать все регионы страны, входящие в подгруппу «менее развитые аграрные», то к числу особо отстающих можно причислить и Республику Тыва.

⁴ Сагидов Ю.Н. Мотивационные побуждения как фактор развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 46. С. 13–23.

в соответствии с двумя началами морального характера:

- методами, соответствующими нормам морали общечеловеческих ценностей, которые в полной мере соответствуют моральным установкам всех четырех религий, исповедуемых в семи регионах;
- способами негативной направленности (хищения, присвоения, разбоя).

Общество как совокупность людей, как утверждают авторы [21], включает в себя оба начала. Способность к саморазвитию общества, его успешность зависит от преобладания того или иного начала. Какое окажется довлеющим зависит от состояния общественной среды – сложившейся практической культуры, праведности судебной системы, объективности средств массовой информации, эффективности власти – чему и кому все они служат – обществу или отдельным его группам. В настоящее время ни по одному из этих пунктов ни по стране в целом, ни по ее регионам невозможно дать позитивную оценку.

Институциональными установками, введенными в стране в начале 90-х и последующих годах, посеян вирус стяжательства и коррупции, несоответствия между мерой доходов и мерой труда и заслуг. То есть речь идет о создавшихся условиях стимулирования качеств второго начала. Эти установки распространяются на все регионы без исключения. Но в развитых регионах страны, которым присущи качества индустриального общества⁵, хотя и ущемленно, но работает иммунитет противодействия вирусу.

Что касается периферийных регионов, то его действие усугубляется наличием периферийного сознания с элементами, как утверждает Г. Мюрдаль, ментальности в практическом восприятии институциональных установок [22]. Из-за укоренившегося патернализма ослаблено противодействие людей деструктивным институциональным установкам. Объясняется это просто: коррупция, например, является порождением «сверху», следствием существующей системы политического обустройства. А раз «сверху», то нечего сопротивляться.

Периферийность сознания проявляется и в том, что для состоятельных членов общества характерно стремление к потребительским стандартам, не адекватным их экономической состоятельности. Как отмечает Р. Пребиш, имея

в виду страны Латинской Америки, излишек доходов используется не в качестве средств инвестирования в расширение экономики с адсорбированием незанятой части населения, как это делается в развитых странах, а на омертвление в расточительных излишествах. Он пишет: «Я заявляю в полный голос: общество потребления несовместимо с целями искоренения общества недопотребления» [23, с. 46].

Это в полной мере относится и к исследуемым регионам. Богатая часть людей регионов Северного Кавказа использует излишек, покупая драгоценности, дорогие авто и брендовые туры, вводит в коматозное состояние средства, выстраивая дома-дворцы по месту жительства и дублируя приобретение вилл на побережье, в лесных массивах и в других более «уютных» регионах страны и даже в зарубежье.

Периферийным регионам свойственны также:

- более выраженная, по сравнению с индустриальными регионами, авторитарность власти при меньшей инициативной суверенности в решении региональных проблем;
- отсутствие внешнего контроля над властью со стороны какого-либо органа, сформированного прямым волеизъявлением народа, а не самой властью;
- неразвитость институтов гражданского общества, подавленность гражданской активности.

Эти качества являются основой низкой эффективности региональной власти, причиной инкубации качеств второго начала, немощности и полной зависимости от центра. Трудно рассчитывать на суверенность инициативы региональной власти, если величина дотаций зашкаливает 90-процентную черту доходов консолидированных бюджетов регионов (табл. 2, поз. 14).

Из изложенного следует, что *качества периферийности не могут не воздействовать угнетающе на импульсы самодвижения в развитии регионов-аутсайдеров*. Согласно ТПЭ, слабость импульсов самодвижения в развитии (саморазвития) является главным признаком и консервантом периферийности экономики стран мира, их хронической отсталости в развитии [12].

Этот тезис в полной мере можно отнести к характеристике периферийности экономики регионов отдельной страны. Обобщенными факторами, влияющими на слабость импульсов саморазвития, являются, во-первых, недостаточная

⁵ Черты индустриального общества.

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Индустриальное_общество

инициативная суверенность региональной составляющей государственного управления страны и, во-вторых, наличие негативов инферальности в состоянии общественной среды.

Говоря о слабости импульсов самодвижения в развитии регионов с периферийной экономикой, мы отражаем обобщенный фактор характеристики состояния периферийности и необходимости ее преодоления. Это не противоречит понятию о необходимости саморазвития регионов как эволюции, включающей в том числе преодоление периферийности.

Известные ученые-экономисты России консолидировались в единстве научного видения состояния экономики страны и связанной с этим необходимости роста экономической самостоятельности и саморазвития регионов. Основной довод: в России чрезмерная централизация властных полномочий и финансовых средств (до 65% всех налогов и до 90% природной ренты) на федеральном уровне при одновременной жесткости регламентации инициативной деятельности региональных и муниципальных органов власти являются тормозом устойчиво-поступательному развитию страны и регионов [6, 9, 24].

Централизовав властные полномочия и ресурсы, государство использует их крайне неэффективно. Ресурсов не хватает для обеспечения полноценного развития регионов. В то же время обескровленные регионы не могут вносить достаточный вклад в централизованные фонды страны. Получается замкнутый круг, приводящий к последовательному нарастанию дефицита средств развития.

Авторы указанных работ дали рекомендации по обеспечению роста самостоятельности и саморазвития регионов. Предлагаются институциональные преобразования в сфере финансовых отношений – изменение пропорций в распределении налоговых поступлений и природной ренты между федеральным и региональными бюджетами [21]. Это позволит регионам формировать финансовую основу экономической самостоятельности.

Другим, по нашему мнению, не менее важным направлением роста экономической самостоятельности и саморазвития регионов видится в мерах по улучшению состояния общественной среды, ее оздоровления. Целью мер должно быть создание условий для раскрытия скрытой втуне энергии потенциала созидательного труда экономически активной части населения во

всех видах деятельности – управленческой, предпринимательской, исполнительской.

Члены Клуба академика О.Т. Богомолова, который включает широкий круг ученых и практиков экономических и неэкономических специальностей, на основе междисциплинарного подхода попытались выявить (и достаточно успешно) все изъяны состояния общественной среды [19]. Во многом эти изъяны появились в постсоветский период. Одной из главных причин можно назвать то, что в Конституции Российской Федерации исключена возможность какой-либо государственной идеологии. Это продублировано и в Конституциях субъектов Федерации. Пустоту занимают различные установки, отдаленные от норм морали, соответствующих общечеловеческим ценностям и заповедям религий.

Давно назрела необходимость иметь легитимную доктрину целевых установок дальнего развития, приемлемую подавляющим большинством населения. Видение желаемых качеств будущего общества создаст предпосылки дальней мотивационной ориентации людей в едином русле созидания. Однако советский и зарубежный опыт показывает, что дальняя мотивация не будет действенной, если в текущих периодах не окажется постоянного подтверждения движения по пути, намеченному в доктрине. Именно с этих позиций необходимо проревизировать те институциональные установки, которые действуют в настоящее время.

Если останется таким же неэффективным, как сегодня государственное управление, или сохранится несовершенство правосудия, при котором, например, за украденную корову и украденные три млрд руб. определяются одинаковые наказания, то проблематичным останется становление на путь созидания. Соответствие текущей и дальней мотивации приведет к согласию народа и власти, межличностному доверию и в целом к прогрессу [25].

При экономической самостоятельности регионов дифференциация уровней развития вряд ли сразу снизится. Но в самооценке регионов она будет восприниматься как «справедливая», так как окажется результатом собственной деятельности, в меньшей мере подверженной деструктивным внешним воздействиям. Это должно сглаживать противоречия, связанные с неравенством.

Следует также отметить, что понятие о саморазвитии у периферийных и развитых

регионов неоднозначно. В эволюции саморазвития периферийных регионов, в отличие от развитых, будет присутствовать составляющая – необходимость усиления импульсов самодвижения в развитии.

Конечной целью ТПЭ, точнее, ее течения – Теории зависимого развития (ТЗР), было обоснование необходимости внешней помощи слаборазвитым странам для достижения ими самодвижения в развитии.

Во-первых, сторонники ТЗР доказали правомерность отказа от догмы о неизбежности сложившегося международного разделения труда. С. Фуртадо утверждал, что статическое понимание и следование принципу «сравнительных издержек» Д. Рикардо никогда не выведет слаборазвитые страны из состояния отсталости [18]. Аграрная специализация слаборазвитых стран без индустриального развития – это путь сохранения состояния периферийности. Группа международных экспертов сравнила состояние экономик стран Африки, находящихся южнее и севернее Сахары. Первые отказываются от внешней иностранной помощи в использовании индустриальных технологий, и их экономика остается в застойном состоянии. Вторые, постоянно пользуясь помощью развитых стран, встали на путь саморазвития [26, 27, 28].

Во-вторых, в ТЗР обосновывается обязанность развитых стран оказывать помощь слаборазвитым странам. Мотивируется это тем, что развитость государств центра, концентрация их капитала, достигнута за счет недоразвития стран периферии многовековым выкачиванием ресурсов. Поэтому страны центра обязаны оказывать странам периферии помощь в развитии [12, 14, 18].

Но часть авторов критически относится к иностранной помощи как к фактору, ведущему к паразитическому разложению в странах периферии и способствующему политической и экономической зависимости от центра [13, 15, 16]. Поэтому, считают авторы, необходим действенный государственный протекционизм защиты развивающихся стран от указанных видов внешней экспансии.

Преломляя сказанное по аналогии к периферийным регионам отдельной страны, можно утверждать, что:

- *во-первых*, без внешней помощи эти регионы практически не способны получить инерцию движения в развитии. К отнесению в нормативных документах части регионов России в группу регионов аграрной специализации

нельзя подходить как к догматической панацее. В противном случае возможны деструкции. Можно привести не один пример, когда федеральные чиновники, ссылаясь на аграрную специализацию, гасят инициативы бизнеса регионов и зарубежных инвесторов по размещению в республиках Северного Кавказа индустриальных предприятий на выгодных кредитных условиях. Деструкция заключается в том, что аграрно-ориентированные регионы не могут активно развиваться, не имея минимума промышленных предприятий, генерирующих на территориях техническую культуру. Без последней не может быть ни модернизационных основ развития, ни полнокровной аграрной специализации, ни вообще экономической успешности;

- *во-вторых*, периферийные регионы имеют благоприятные природно-климатические условия и удобное приграничное географическое расположение для экономической интеграции как с регионами страны, так и с зарубежьем. Это объективные условия для оптимального развития как аграрной, так и промышленной сфер и поэтому нет причин для вынесения им приговора – «менее развитые аграрные». При такой дискриминации Россия будет оставаться в тупике территориального дисбаланса и общего отставания в развитии. Должна быть установка на «развитые аграрные» регионы. Имея в виду не отношения между странами мира, а внутренние отношения в отдельной стране, речь должна идти не о зависимом развитии, а о взаимозависимом;
- *в-третьих*, переход на саморазвитие предполагает тенденцию снижения патернализма и паразитизма регионов, должно обязывать их эффективно использовать предоставляемые государством централизованные ресурсы (инвестиции, технологии и пр.).

Заключение

В последней четверти века Россия развивалась по вектору отрицательной модернизационной направленности. Постоянно нарастала территориальная асимметрия в уровнях развития. Наиболее отсталые в развитии регионы определены как «менее развитые аграрные». Анализ типа проблемности этих регионов определяет их состояние не как депрессивное, а как территории с экономикой периферийного характера, с чертами, соответствующими постулатам *Теории периферийного капитализма* (Р. Пребиш) – хронического отставания в развитии, бедности населения, периферийности сознания и

практической культуры, слабости импульсов самодвижения в развитии.

Все это является следствием инфернального состояния общественной среды, возникшего в целом по стране и усугубленного в отсталых регионах. Главной причиной негативного состояния общественной среды является слабость и неэффективность всей иерархии государственного управления, инъектировавшей в общество вирус стяжательства. Последний оказался основным препятствием к раскрытию находящегося втуне потенциала созидательного труда во всех сферах полезной деятельности и становления регионов на путь модернизационного развития.

Проблема преодоления периферийности не является обособленной. Она является дополнительной нагрузкой по преодолению слабости импульсов самодвижения в развитии регионов аутсайдеров в общей проблеме модернизации экономики страны.

Оздоровление общественной среды предполагает создание условий стимулирования альтруистических и погашения эгоистических начал в качественном состоянии социума. История развития стран свидетельствует, что преобразования, направленные на создание подобных условий, осуществляются на основе их инициирования государством «сверху» под воздействием гражданской активности «снизу».

Но в России исторически сложилось так, что все преобразования инициировались «сверху» – государством. Роль гражданской активности оставалась и пока остается несущественной; в настоящее время в регионах она погашается

демонизацией в равной мере и экстремизма, и конструктивных движений. История также свидетельствует, что при сильном государственном управлении и при наличии основ для его восприятия обществом как справедливого, стимулируются позитивные качества общественной среды.

Следовательно, ключевым звеном социально-экономических преобразований в России является перерождение в первую очередь самих органов государственного управления на основах неэкономической грани экономики – патриотизма. Сложность заключается в том, что в настоящее время над элитой государственного управления не существует внешнего контроля, и на этой основе ослаблена ответственность субъектов управления за результаты социального и экономического развития страны.

В настоящее время ситуация такова, что и в органах власти, и в обществе отсутствует достаточная мера видения необходимости коренных преобразований в системе государственного управления, как условия самосохранения и защиты общества от катастрофических коллизий. Необходима такая глубина и широта осознания, при которой преобразования будут восприниматься как объективная необходимость на всех уровнях общества. Не может быть, чтобы угроза потери стабильности общества и целостности страны не вывели в авангард патриотические силы, которые способны осуществить преобразование не только экономических институциональных установок, но и установок социологического, правового, политологического и других институций.

Таблица 1

Классификация регионов России по уровню развития

Table 1

Classification of Russian regions in terms of development

Высокоразвитые		Развитые			Среднеразвитые		Менее развитые	
Финансово-экономические центры	Сырьевые экспортно-ориентированные	С диверсифицированной экономикой	С опорой на обрабатывающую промышленность	С опорой на добывающую промышленность	Промышленно-аграрные	Аграрно-промышленные	Менее развитые сырьевые	Менее развитые аграрные
Московская обл. г. Москва г. Санкт-Петербург	Республика Коми Тюменская область (в т.ч. ХМАО, ЯНАО)	Ростовская обл. Татарстан Нижегородская обл. Самарская обл. Свердловская обл. Новосибирская обл. Саха (Якутия) Сахалинская обл.	Липецкая обл. Ярославская обл. Вологодская обл. Ленинградская обл. Новгородская обл. Челябинская обл. Иркутская обл. Омская обл.	Белгородская обл. Мурманская обл. Башкортостан Пермский край Красноярский край Кемеровская обл. Томская обл.	Владимирская обл. Ивановская обл. Калужская обл. Костромская обл. Рязанская обл. Смоленская обл. Тверская обл. Тульская обл. Карелия Архангельская обл. (в т.ч. Ненецкий АО) Калининградская обл. Удмуртия Хакасия Приморский край Хабаровский край	Брянская обл. Воронежская обл. Курская обл. Орловская обл. Тамбовская обл. Псковская обл. Краснодарский край Астраханская обл. Волгоградская обл. Северная Осетия Ставропольский край Марий Эл Мордовия Чувашия Кировская обл. Оренбургская обл. Пензенская обл. Саратовская обл. Ульяновская обл. Кузнецкая обл. Бурятия Алтайский край Камчатский край	Забайкальский край Амурская обл. Магаданская обл. Чукотский АО	Адыгея Калмыкия Дагестан Ингушетия Кабардино-Балкария Карачаево-Черкесия Чечня Алтай Тыва Еврейская автономная обл.

Источник: составлено по данным [10]

Source: Authoring, based on [10]

Таблица 2

Социально-экономические показатели исследуемых субъектов Федерации, 2013 г.⁶

Table 2

Socio-economic indicators of the studied subjects of the Russian Federation, 2013

№ п/п	Показатель	РФ	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Чеченская Республика
1	Стоимость основных фондов на душу населения, тыс. руб.	929,4	356,9	441,0	332,6	145,1	252,9	337,2	300,4
	Кратность различий ⁷	1	–2,6	–2,1	–2,8	–6,4	–3,7	–2,8	–3,1
2	Стоимость основных фондов в промышленности, тыс. руб.	251,8	71,7	34,6	43,4	16,2	49,0	62,4	53,2
	Кратность различий	1	–3,5	–7,3	–5,8	–15,5	–5,1	–4,0	–4,7
3	Стоимость основных фондов на душу населения в сельском хозяйстве	25,6	27,4	39,2	23,0	10,8	27,8	57,2	9,2
	Кратность различий	1	0,9	0,7	–1,1	–2,4	0,9	0,4	–2,8

⁶ Здесь и далее дано предпочтение показателям 2013 г., так как в связи с новой волной рецессии в экономике России показатели последующих лет искажают объективность характеристики сути периферийности.

⁷ Со знаком (–) дана кратность превышения величины среднего показателя по России над показателем исследуемого региона, со знаком (+) – доля средней величины показателя по России в показателе региона.

4	Удельный вес городского населения, в %	74,2 25,8	47,0 53,0	45,1 54,9	40,4 59,6	42,4 57,6	52,3 ⁸ 47,7	42,7 57,3	34,8 65,2
5	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	92,4	35,8	51,8	60,3	29,4	25,7	39,9	30,8
	Кратность различий	1	–2,6	–1,8	–1,5	–3,1	–3,6	–2,3	–3,0
6	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	376,4	161,7	145,3	145,4	100,9	131,9	133,2	88,5
	Кратность различий	1	–2,3	–2,6	–2,6	–3,7	–2,9	–2,8	–4,3
7	Численность трудоспособного населения незанятого в экономике, % от трудоспособной части населения	10,1	28,0	14,3	24,6	63,8	27,4	23,7	47,2
8	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня, в % от общей численности населения	10,8	12	35,4	10,1	19,5	18,6	19,5	19,7
9	Общая жилая площадь, приходящаяся на одного жителя, кв. м	23,4	24,4	22,8	17,1	13,5	18,7	20,1	18,1
10	Численность населения на одну больничную койку	110,3	133,4	107,2	141,9	215,9	105,9	127,3	138,4
11	Численность врачей на 1000 чел. населения	49	39	54	39	38	45	38	27
12	Коэффициент естественного прироста населения	0,2	–0,6	4,7	13,3	17,7	6,6	4,4	19,9
13	Коэффициент миграционного прироста на 10000 населения	21	50	–122	–73	63 ⁹	–32	–17	–35
14	Удельный вес дотаций в доходах консолидированного бюджета, в %	–	64,6	90,7	94,8	99,0	83,8	77,9	92,0

Источник: составлено автором по данным Росстата

Source: Authoring, based on Rosstat data

⁸ Отклонение связано с занятостью населения обслуживанием объектов санаторно-курортного назначения, преимущественно расположенных в городах Кабардино-Балкарской Республики.

⁹ Отклонение связано с перемещением населения, обусловленного приграничной проблемой притязания Ингушетии на Пригородный район Северной Осетии.

11. Гладкий Ю.Н. Регионоведение / Ю.Н. Гладкий, А.И. Чистобаев. М.: Гайдарики, 2002. 384 с.
12. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Перевод изд.: *Capitalismo periferico. Crisis y transformacion* / Raul Prebisch (Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1981). М.: ИЛА, 1992. 337 с.
13. Amin C. Imperialism and Unequal Development.
14. Cardoso F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley, 1978, 1727 p.
15. Dos Santos T. The Structure of Dependence. Readings in U.S. Imperialism. Ed. by K.T. Farm and D.S. Hodges. Boston, 1971, 226 p.
16. Wallerstein I. The West Capitalism, and the Modern World-System. *Review*, 1992, Fall, XV, no. 4, pp. 561–619.
17. Артоболевский С.С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 3–16.
18. Furtado C. La economica Latinoamerucana. Unasintsis des de la concuista iberica hasta la revokucion cubana. Santiago de Chili. Ed Universitaria, 1970, 311 p. URL: <http://finlit.online/page/ieu3/ist/ist-8—idz-ax239--nf-128.html>.
19. Богомолов О.Т., Кузык Б.Н. Неэкономические грани экономики: непознанное влияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. М.: Издательство ИНЭС, 2010. 796 с.
20. Ленин В.И. Собрание сочинений. Изд. 5. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 241–254.
21. Samuel Bowles, Herbert Gintis. A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution. Princeton University Press, 2011, 288 p.
22. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1958. 555 с.
23. Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52.
24. Бочко В.С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // Экономика региона. 2013. № 3. С. 26–37.
25. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. Princeton University Press, 2011, 264 p.
26. Huillery Elise. History Matters: The Long-Term Impact of Colonial Public Investments in French West Africa. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009, April, vol. 1, no. 2, pp. 176–215.
27. Guisan M.C., Aguayo E. Manufacturing and Development in Countries and Areas of America, 2000–2010. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-1, pp. 187–192. URL: <http://www.usc.es/economet/reviews/eers15113.pdf>.
28. Gerber Alan S., Dean Karlan, Daniel Bergan. Does the Media Matter? A Field Experiment Measuring the Effect of Newspapers on Voting Behavior and Political Opinions. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009, April, vol. 1, no. 2, pp. 35–52. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.35>.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**REGIONS WITH THE PERIPHERAL ECONOMIES:
THE PROBLEMATIC CHARACTER AND ITS CONSIDERATION****Yurii N. SAGIDOV**Institute of Socio-Economic Research, Dagestan Science Centre of RAS, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation
sagidov_2014@mail.ru**Article history:**Received 15 August 2016
Received in revised form
20 September 2016
Accepted 17 November 2016
Available online
15 March 2017**JEL classification:** A14, H70,
O18, R58**Keywords:** territorial balance,
peripheral nature, motivation,
development, public environment,
self-movement impulse, backward
regions, public administration**Abstract****Importance** The article deals with the problem of overcoming the peripheral status and enhancement of the development of the economy of underdeveloped agrarian-oriented regions of Russia as a way to ensure a balanced territorial development and implement integration synergy.**Objectives** The paper aims to define the reality type inherent in the underdeveloped regions of a given country in a mirror of the *Dependency theory* of countries; identify characteristic causes of underdevelopment for the type of reality; search for and justify the directions and measures of achievement of self-movement of regions in development; define the role of the State and civil institutions in solving the problem to enhance modernization of underdeveloped regions.**Methods** Fundamental works of domestic and foreign scientists in the field of regional studies and problems of development of underdeveloped countries in the world are the foundation of the study. I used multidisciplinary and statistical analyses that helped develop conceptual approaches to the development of backward regions.**Results** The article shows the factors affecting the reproduction of chronic underdevelopment of regions. It estimates the role of public administration and civic engagement in overcoming the peripheral status. The article substantiates the thesis of refusal of the dogma of established interregional division of labor.**Relevance** Scientific developments and the proposed approach to overcome contradictions associated with uneven development of regions of the country can be used when developing measures of institutional reforms aimed at revitalizing the development of regions with economies of peripheral nature.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Anisimova G.V. [Methodological aspects of the analysis of economic disparity: Soviet and Post-Soviet problems]. *TERRA ECONOMICUS*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 61–77. (In Russ.)
2. Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-20, pp. 105–114. Available at: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1527.pdf>.
3. Volkov S.K. Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-20, pp. 137–144. Available at: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>.
4. Kleiner G.B. [Stability of the Russian economy in a mirror of the system economic theory (Part 1)]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 107–123. (In Russ.)
5. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (knigi I–III)* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations (Books 1–3)]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 572 p.
6. Glaz'ev S.Yu. [World economic crisis as a process of replacement of the dominating technological ways]. *Ekonomika, krizisy, riski, bezopasnost', samoorganizatsiya*. (In Russ.) Available at: <http://spkurdyumov.ru/economy/mirovoj-ekonomicheskij-krizis/>.
7. Zubarevich N.V. [Strategy of spatial development after crisis. From big projects to industrial modernization]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2015, no. 2, pp. 226–230. (In Russ.)
8. Granberg A.G., Zaitseva Yu.S. *Valovyi regional'nyi produkt: mezhregional'nye sravneniya* [Gross Regional Product: interregional comparisons]. Moscow, SOPS Publ., 2003, 117 p.

9. Tatarkin A.I. [Regional orientation of economic policy of the Russian Federation as an institution of spatial arrangement of territories]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2016, vol. 12, iss. 1, pp. 9–27. (In Russ.)
10. Golyashev A.V., Grigor'ev A.M. [Types of Russian regions: stability and changes in 2003–2013]. *Doklad v Analiticheskoy Tsentre pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii*, 2014. (In Russ.) Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>.
11. Gladkii Yu.N., Chistobaev A.I. *Regionovedenie* [Regional studies]. Moscow, Gaidariki Publ., 2002, 384 p.
12. Prebisch R. *Periferiyni kapitalizm: est' li emu al'ternativa?* [Capitalismo periferico. Crisis y transformacion]. Moscow, ILA Publ., 1992, 337 p.
13. Amin C. Imperialism and Unequal Development.
14. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley etc., 1978, 1727 p.
15. Dos Santos T. The Structure of Dependence. Readings in U.S. Imperialism. Ed. by K.T. Farm and D.S. Hodges. Boston, 1971, 226 p.
16. Wallerstein I. The West Capitalism, and the Modern World-System. *Review*, 1992, Fall, XV, no. 4, pp. 561–619.
17. Artobolevskii S.S. [Western experience of realization of regional policies: opportunities and restrictions of practical use]. *Regional'nye issledovaniya = Regional Research*, 2008, no. 2, pp. 3–16. (In Russ.)
18. Furtado C. *La economica Latinoamericana. Unasintesis de la conquista iberica hasta la revolucion cubana*. Santiago de Chili. Ed Universitaria, 1970, 311 p. Available at: <http://finlit.online/page/ieu3/ist/ist-8—idz-ax239--nf-128.html>.
19. Bogomolov O.T., Kuzyk B.N. *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vliyanie. Nauchnye i publitsisticheskie zametki obshchestvovedov* [Not economic sides of the economy: unknown influence. Scientific and publicistic notes of social scientists]. Moscow, INES Publ., 2010, 796 p.
20. Lenin V.I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1981, vol. 41, ed. 5, pp. 241–254.
21. Samuel Bowles, Herbert Gintis. *A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution*. Princeton University Press, 2011, 288 p.
22. Myrdal G. *Mirovaya ekonomika. Problemy i perspektivy* [An International Economy, Problems and Prospects]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1958, 555 p.
23. Prebisch R. [Actual problems of social and economic development]. *Latinskaya Amerika = Latin America*, 1977, no. 6, pp. 44–52. (In Russ.)
24. Bochko V.S. [Resilience of the territory: the content and ways of strengthening]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2013, no. 3, pp. 26–37. (In Russ.)
25. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2011, 264 p.
26. Huillery Elise. History Matters: The Long-Term Impact of Colonial Public Investments in French West Africa. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009, April, vol. 1, no. 2, pp. 176–215.
27. Guisan M.C., Aguayo E. Manufacturing and Development in Countries and Areas of America, 2000–2010. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-1, pp. 187–192. Available at: <http://www.usc.es/economet/reviews/eers15113.pdf>.
28. Gerber Alan S., Dean Karlan, Daniel Bergan. Does the Media Matter? A Field Experiment Measuring the Effect of Newspapers on Voting Behavior and Political Opinions. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2009, April, vol. 1, no. 2, pp. 35–52. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.35>.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.